

17 июля прошлого года в Зальцбурге скончался дирижер Герберт фон Караян. Это был последний великий диктатор искусства нынешнего столетия.

Его, как и первого зальцбургского гения Моцарта, хоронили лишь самые близкие: вдова, две дочери и четыре лучших друга. Но первый умирал в величайшей нужде и забвении, а второй давно был легендой.

Поэтому, решив говорить о Караяне, я пригласила на помощь литовских музыкантов, видевших, слышавших и общавшихся с великим маэстро. Попробуем через призму их впечатлений и восприятия подумать о загадке Караяна. У меня вместе с вестью о его смерти в сердце мелькнула обида. Обида за то, что я никогда не чувствовала магии его дирижирования. Я и тысячи других, кому так не хватает любви к музыке. Многие, кого Караян оценивал как серьезных деятелей искусства, говорили о позднейшей его опеке. Эта рука опеки коснулась и Литвы, и литовцев. Одной из первых это испытала певица литовского происхождения, проживающая в Мюнхене, Дилиана Сукис-Шуките. Ее Караян случайно услышал здесь в аудитории. Рекомендовал в оперу. Дилиане Шуките досталась главная роль в опере Верди «Луиза Миллер». Второй литовский музыкант, общавшийся с Караяном, — маэстро Ионас Алекса. Он был избран на семинар дирижеров, которым руководил Герберт фон Караян. Это случилось в 1970 г. в Ленинграде. После встреч в Ленинграде, а также в Венской высшей музыкальной школе Ионас Алекса в интервью, данном журналу Томасу Сакалаускасу, говорил: «Особенно памятно было выступление Герберта фон Караяна. После десятилетнего перерыва он вновь репетировал с оркестром Венской филармонии. Работая раньше в этом городе, он завоевал большое уважение и любовь, однако приобрел и недругов... Возражали против его репертуарной политики в Венской опере, против его режиссуры, административной деятельности. Однако никто не мог опровергнуть музыкальные способности дирижера. Посещая его репетиции, концерты, я еще раз убедился, что ему сегодня нет равных. Караян — универсальный режиссер (...). Требуя от исполнителей максимальной точности, он силой своей личности на основе нот, написанных композитором, творит как бы новое неслыханное произведение. (...) Рихард Штраус говорил, что дирижер никогда не должен

забывать: он дирижирует не для своего удовольствия, а для публики. Действительно, мало, чтобы тебе самому нравилось, ибо может случиться как с тем актером, который на сцене плачет подлинными слезами, а публика смеется... Мой идеал — Мравинский и Караян. Когда они стоят у пульта, музыка звучит, как монолог (...). Говорят, раньше Караяна выводили из-за кулис к пульту с закрытыми глазами — чтобы он смог максимально сосредоточиться, если в зале кашляли, он останавливал оркестр и начинал заново. Музыка должна приходиться в темноту, тишину, серьезность. Правда, еще Караян участвует в концертах по телевидению, которые музыканты называют «шоу». Хотя — играют, скажем, Шестую симфонию Бетховена, однако в разных планах показывают группы инструментов, фрагменты, детали крупным планом. Это действительно несколько упрощает музыку. Она остается как бы на втором плане... Однако сам дирижер на эти упреки отвечает, что он хочет привлечь к музыке побольше народа. «Мою музыку, — говорит он, — должен видеть весь мир».

Ее и видел весь мир. Мир, который не всегда знал, кто дирижер, но который всегда знал, что Герберт фон Караян — дирижер. Мир, чей технический прогресс помог исполнить его давней мечте — уникальное, неповторимое искусство исполнения было увековечено на пластинках, в звуковых и видеопленках, в теле- и радиопередачах. Мир сделал смертного гения бессмертной легендой еще при его жизни.

Австрия, 1908 год, 5 апреля. Только что родившийся младенец по имени Герберт уже через три года начнет учиться игре на фортепьяно. В 11 лет сыграет свой первый концерт. Потом будет подолжать учебу в зальцбургском «Моцарториуме». С 1926 г. он начинает осваивать искусство дирижирования в Венской музыкальной академии. Позднее — оперный театр в Ульме, летние курсы дирижирования в Зальцбурге, оперный театр в Аахене. Даже средний музыкальный коллектив под руководством Караяна звучал совершенно. Педагогом, вспоминая рассказы о его деспотизме, Караяна не назовешь, однако он умел требовать максимум. И от себя, и от других. Жизнь, давая одной рукой, другой многое отнимает. Безжалостен был период, который довелось пережить музыканту в 1941—1944 гг. Тогда он руководил Берлинским симфоническим

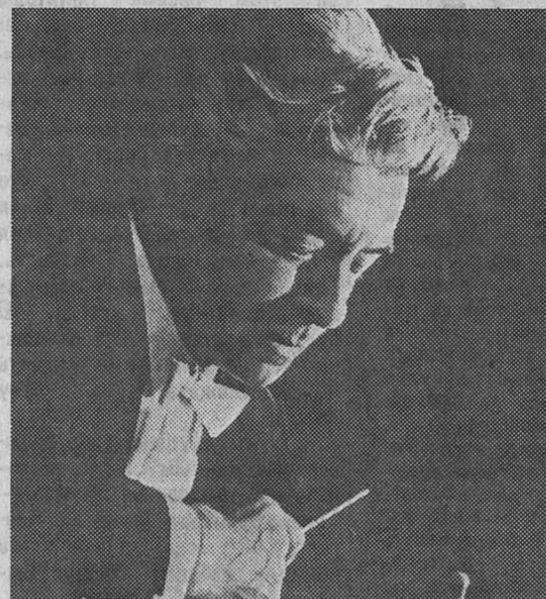
оркестром, не раз дирижировал перед охраной Гитлера. Это вспоминала западная печать после войны. Однако злые намерения никогда не заглушили заслуг Караяна. С 1957 г. он берет проводить зальцбургские фестивали, заслужившие внимание и признание в мире. Фестиваль прошлого лета проходил уже без

Берлин. Спустя несколько дней Литва будет радоваться тому, что имеет струнный оркестр им. М.-К. Чюрлениса на мировом уровне. Первое место в таком конкурсе! Жаль, что этот коллектив остался только историей. Жаль, что ни у кого не болело сердце, когда оркестр постепенно распался. О своих встречах с

Они — единственные литовские музыканты, которыми дирижировал Караян. Еще перед заключительным конкурсом мне была назначена аудитория у маэстро. Аудитория проходила в его роскошных апартаментах. Здесь же — студия звукозаписи, в которой во время репетиций сразу записывались пластинки. Сначала выходит

Д. РИНКЯВИЧЮТЕ.

Диктатор, которому все было прощено

Последний диктатор искусства нынешнего века — маэстро Герберт фон Караян.

*Летнее Ряде - Вильнюс
- 1990 - 22 желоб. - С. 5*

После напряженных поездок и концертов Караян вместе с женой Эльеттой искал покоя в своем имении в Зальцбурге.

Караяна, однако участники говорили, что всюду ощущается рука маэстро, как будто он где-то рядом. Не перечать оперных постановок, концертов. Это работа историков музыки. Другое мероприятие, увековечившее имя Караяна и выдвинувшее много новых талантов, — западноберлинские конкурсы фонда Герберта фон Караяна. Музыка — основная связь народов и человечества. Остановимся на следующей дате: 1976 год, 16—26 сентября, IV интернациональный конкурс молодежных оркестров. Западный

Караяном рассказывает маэстро Саулус Сондецкис: «Конкурс продолжался весь день. Караян за ним не следил. Заняв первое место, мы могли участвовать в заключительном концерте. Там должен был играть интернациональный оркестр, которым дирижировал сам Караян. Ася Коцайте, Даля Бартусявичюте, Альгимантас Неманис, Альгис Страйжис, Арнольдас Гуринавичюс — звучали литовские фамилии в списке звезд IV конкурса молодежных оркестров, участников интернационального оркестра.

пластинка, а лишь затем можно услышать концерт, дирижуемый Караяном. Перед аудиторией я очень волновался, был наслышан об этом уважаемом музыканте, однако общаться было не трудно, даже приятно. Маэстро, хотя и не участвовал в конкурсе, был прекрасно информирован о его ходе, о нашем коллективе. Караян знал о Литве, о Вильнюсе. Чюрленис был для него новостью. Мы подарили ему пластинки поэтической симфонии «Море», альбом репродукций. В конце беседы он меня очень опечалил — ска-

зал, что и во время заключительного концерта не сможет наблюдать за нашим оркестром. Сразу же после нас должен был звучать объединенный оркестр под управлением самого Караяна. Ему надо подготовиться... Я сообщил об этом перед концертом оркестру. С таким настроением расселись на сцене. Стоя за кулисами, перед выходом на сцену, я внезапно почувствовал, что кто-то легко хлопнул меня по плечу. Обернувшись, я остолбенел — это был Караян. Он сказал: «Подождите немного. Я передумал». И пошел через сцену на свое специальное место в первом ряду. Оркестр от удивления обмер. Мы заранее договорились: перед началом дирижирования я поднимаю палочку, которую держу за самый кончик. Она не должна дрожать. Мое спокойствие помогает детям освободиться от напряжения. Я сосредоточен и спокоен. Так я сделал и на этот раз. Однако дети смотрели на Караяна. В программе — Камерная симфония Шостаковича, которая начинается совершенным пианиссимо. Начинаю дирижировать. Тишина. Смычки движутся, а звука нет. Хорошо, что спустя некоторое время дети опомнились. После нашего выступления первым встал и начал аплодировать Караян. Особенно его очаровал маленький Лютаурас Вальчионас. За кулисами, подождав к себе, Караян пожал ему руку. После концерта — прием. Там председатель жюри Вольфганг Штреземан сказал мне: «Вы сыграли такое пианиссимо, какого я никогда не слышал». Караян был на приеме недолго. Как всегда. Это был человек, который прекрасно сочетал в себе все. Кроме того, он хорошо понимал психологию толпы, был всегда верен своему имиджу. Совершенно не употреблял алкоголя, не курил. Во время приема, пообщавшись с несколькими из присутствующих, тихо исчезал. Всегда сохранял дистанцию. Во время торжественного награждения Караян произнес речь. Главная ее мысль была такая: если молодежь так играет, то за будущее музыки нечего бояться. Этим закончилась наша первая встреча. Вторая встреча и состоялась, и... не состоялась. Я был приглашен на тот же самый конкурс как член жюри. Мне позволили побывать на репетициях, а это — знак особой милости. Вообще, Западноберлинская филармония охраняется не меньше, чем тюрьма. Спецпропуск Караяна без его приглашения вообще нельзя получить. Самого Караяна пос-

тоянно сопровождал телохранитель. Фотографировать можно было только по его разрешению. Все фотоснимки просматривались. Попытка одного ловкого фотографа сфотографировать Караяна неожиданно завершилась звонкой оплеухой. Когда фоторепортер подал в суд, Караян не удосужился явиться. Заплатил расходы, и... от этого его популярность только возросла. Репетиция. Она проходит очень тихо и концентрированно. Караян бесконечно требователен. Каждую фразу он шлифует как бриллиант, до совершенства. Я обрадовался, что смогу участвовать во всех репетициях, но... слишком рано. На моих глазах случилось несчастье. Во время репетиции у Караяна выпала палочка. Со своего поста он наклонился за ней. Видимо, закружилась голова. Маэстро упал, разбил лицо, потерял сознание. На другой день должен был состояться концерт. После этого несчастья Караян долгое время не выступал. Еще долго после этого ощущал невидимую руку заботы Караяна. Мы получали приглашения на то или иное мероприятие, однако... Афганистан. Прерваны дипломатические отношения. Он убил не только много молодых солдат. Он не позволил сказать о себе многим деятелям искусства...».

Несгибаемый характер Караяна не становился мягче. Он был скалой, о которую начали биться волны юности. Популярный югославский пианист Ив Погорелих с Литвой связан лишь тем, что этим летом участвовал в том самом мероприятии с маэстро Сондецкисом. Ему тоже сопутствуют разные легенды. По своей популярности он может сравниться с поп-звездой. Ив может собрать на свой концерт полный стадион, а сам выйти в торжественном черном фраке и... белых кедах. Его и Караяна связывает одна скандальная история. Молодому пианисту предложили сыграть вместе с оркестром Караяна. Он согласился. Однако репетиция продолжалась недолго. Вольфов Караян начал заставлять яркого солиста подлаживаться к оркестру, а не наоборот, как принято. Ив, поняв это, прервал репетицию и отказался выступать. Такого вызова Караян еще не получал. Молодость нахальная, иногда даже слишком. Однако без этого не было бы прогресса. О своих встречах с Караяном вспоминает Гинтарас Ринкявичюс: «В 1984-м я прибыл на первую часть конкурса. В следующем году должен был состояться второй — заключительный тур. Тогда Кара-

ян так и не появился. Я наблюдал за одной его репетицией. Сравнивал ее с репетициями Мравинского. Репетиция была спокойная, демократичная, слышался даже легкий шепот — музыканты тут же обсуждали свои дела. На репетициях Мравинского всегда ощущалось огромное напряжение.

1985 год. В конкурсе остались лишь три конкурента. Я репетировал не с Караяном, а с западноберлинским городским симфоническим оркестром. Караян тяжело болел. На сцену его выводили. Это был человек, перенесший немало физических травм. После травмы позвоночника ему приходилось носить железный корсет. Караян пришел на мою репетицию и сел среди музыкантов оркестра. Он внимательно наблюдал за моей работой. Хорошо помню часто повторяемую фразу: «Вас ист фальшь?». Я останавливал оркестр, а он спрашивал, почему плохо. И я должен был объяснять ошибки. Я был молод. Максималист. Волновался. Шел конкурс, а на конкурсах всегда не хватает времени. Я сделал несколько тактических ошибок, потому что был убежден в своей правоте. Я не оценил замечаний Караяна. Они мне даже мешали. Теперь я начинаю понимать, почему он останавливал оркестр, заставлял думать об ошибках. Мы не соглашались насчет темпов Шестой симфонии Чайковского. Караян не признавал компромиссов, не был склонен углубиться в мои аргументы. Мне казалось, что прав только я, а он почувствовал мое сопротивление, упорство. Конкурс переживал тогда полный кризис. Во втором, заключительном туре, не было ни Караяна, ни жюри. Не понимаю до сих пор, кто и как распределял места. Не были вручены премии. Не было приема после последнего концерта».

В мире много хорошей музыки. Миллионы людей об этом даже не знают, хотя это право дано каждому. Я верю, что и на концерты Караяна приходили такие люди, которых больше интересовала его легендарная личность, чем то, ради чего он таким стал. Верю также, что после каждого магического движения Караяна любовь к музыке и просыпалась, и росла. Верю, а в сердце все стучится та же обида, что не только мы не видели его живого за дирижерским пультом, но даже слишком мало знали. Только этот запоздалый реверанс не из вежливости. Из чувства любви и уважения. К человеку, который достиг Олимпа и с того мгновения жил один с музыкой.